

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Харьковский национальный университет
имени В.Н. Каразина
Черниговский национальный педагогический университет
имени Т.Г. Шевченко

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Сборник научных статей

Выпуск VIII

Белгород
2013

УДК 94(47).05/08
ББК 63.3(2)5
Р 76

Редакционная коллегия:

И.Т. Шатохин (ответственный редактор),
А.Б. Коваленко, К.В. Козлов, А.И. Папков, С.И. Посохов,
В.А. Шаповалов, С.Б. Шатохина, К.М. Ячменихин

Российская империя в исторической ретроспективе:

Выпуск VIII / отв. ред. И.Т. Шатохин. – Белгород: Изд-во «ГиК», 2013. – 220 с.

ISBN 978-5-902583-98-1

Сборник научных статей «Российская империя в исторической ретроспективе» включает в себя работы историков России, Украины, Белоруси и Польши, посвященные актуальным проблемам социально-политической, экономической, военной истории, истории культуры и повседневности России в имперский период.

УДК 94(47).05/08
ББК 63.3(2)5

ISBN 978-5-902583-98-1

© Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013
© Коллектив авторов

¹¹ Henri Martin. *La Russie et l'Europe*. Paris, 1866. 431 p.

¹² Henri Martin. *Rußland und Europa*. Hannover, 1869. 455 s.

¹³ Британский премьер-министр Бенджамин Дизраэли в своём письме королеве Виктории в 1877 году призывал «очистить Центральную Азию от московитов и загнать их в Каспий».

¹⁴ В «Очерке истории польской литературы» (Львов, 1872) говорилось: «Среди исследователей нашего прошлого заслуживает самого пристального внимания также Франтишек Духинский <...> Он указал, что ... россияне не есть крови и плоти славянской».

¹⁵ Костомаров Н.И. Ответ на выходки газеты «Czas» и журнала «Revue Contemporaine» // Основа. 1861. № 2. С. 124–135. Здесь Н.И. Костомаров не называет имя Ф. Духинского, из сочинений которого г. Сент-Винсент почерпнул «всю дичь», которую написал, но автор прямо говорит о том, что эта «дичь» представляет собой выдумки польской пропаганды. См. также: Костомаров Н.И. Правда полякам о Руси // Основа. 1861. № 10. С. 100–112.

¹⁶ Краевский А., Дудышкин С. Историк Духинский из Киева и его ученики из французских сенаторов // Отечественные записки. 1864. Т. CLV. С. 426–448.

¹⁷ В 1882 г. Д.И. Иловайский опубликовал статью под заголовком «Поборники норманизма и туранизма» (Русская старина. 1882. № 12. С. 585–619).

¹⁸ Так, выпускник Киевского университета, плодовитый писатель С. Буцинский в брошюре «Миссия славян и отдельность Руси» (Краков, 1885) утверждал, что Духинский «доказал окончательно, что провинции славянские, названные скандинавскими захватчиками Русью, являются полностью отдельными от царства московского».

¹⁹ J. Vaudouin de Courtenay. *Z powodu jubileuszu profesora Duchinińskiego*. Kraków, 1886.

²⁰ Стасов В. О происхождении русских былин // Вестник. Европы. 1868. № 1–4, 6–7.

²¹ Безсонов П.А. Мнимый «туранизм» русских. К вопросу об инородцах и переселениях в России // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1885. Кн. II. С. 1–135.

²² Во время обучения будущего евразийца П.Н. Савицкого Политехническом институте в С.-Петербурге географию здесь преподавал сын В.И. Ламанского.

²³ Ламанский В.И. Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892. С. 2.

²⁴ Цит. по изд.: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 777.

²⁵ Считается, что основоположник фонологии Бодуэн де Куртенэ является одним из предшественников Н.С. Трубецкого. К сожалению, последний не явился продолжателем отрицания «мнимого «туранизма» русских».

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВО»: ОБРАЗ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

«FOR FAITH, TSAR AND FATHERLAND»: THE IMAGE OF POWER IN WAR CIRCUMSTANCES

М.К. Кеда
Черниговский национальный педагогический
университет имени Т.Г. Шевченко

M.K. Keda
Chernigov National T.Shevchenko
Teachers' Training University

В статье анализируется образ власти в дискурсе православного журнала «Вера и Жизнь», издававшего в Черниговской губернии в 1912–1917 гг. Особое внимание уделяется механизмам и особенностям наполнения концепта власти во время Первой мировой войны.

Ключевые слова: «Вера и Жизнь», образ власти, православная периодика, Черниговская губерния.

In the article the presentation of the concept of Authority (Russian Emperor and Government) in the discourse of orthodox magazine «Vera and Zhizn'» («Faith and Life») (1912–1917) is analyzed. Special attention is paid to the mechanisms and main features of the concept formation during the First World War.

Keywords: the concept of Authority, magazine «Vera and Zhizn'» («Faith and Life»), orthodox periodicals, Chernigov province.

В периоды кризисов, дестабилизации общества (а именно таковым было для Российской империи начало XX ст.) усиливается критика власти. Как ответную реакцию, правительственные структуры активизируют механизмы поддержания собственного авторитета. Многие средства пропаганды, к которым прибегало самодержавие в ходе Первой мировой войны, являются, по сути, типичными для любой власти как таковой и исторический анализ этих средств позволит лучше понять современные механизмы воздействия правительства на общество средствами массовой информации. Особенно актуально исследовать эти механизмы сейчас, когда информационная война признается доминирующим способом достижения духовной, политической и экономической власти¹.

Таким образом, в статье преследуется двоякая цель – проанализировать образ власти на страницах православной периодики Черниговской губернии и выявить основные механизмы формирования этого образа в читательской картине мира. Выбор журнал «Вера и Жизнь» в качестве объекта исследования не случаен. С 1912 г. он издавался вместо Черниговских епархиальных известий и, будучи консервативным по своей сути, воплощал региональные особенности механизма формирования образа власти через средства массовой информации. Черниговская губерния была давно и достаточно прочно интегрирована в имперскую структуру и сепаратистские тенденции тут выражались несколько слабее, нежели в других частях Малороссии. Журнал «Вера и Жизнь» относился к качественной прессе и как информационный орган православной церкви, являющейся частью государственной структуры, был, фактически, поставлен на службу правительству. По утверждению Е. Шейгал и Р. Блаккара, печатный текст выступает инструментом социальной власти², является одним из эффективных рычагов разветвленной имперской системы управления социумом.

Читательскую аудиторию журнала, как отмечает А. Бойко, составлял «средний класс»: чиновники, купцы, образованные рабочие, учителя, офицеры³. Учитывая численность этих социальных категорий, и тот факт, что черниговскую периодику читали не только на территории губернии, но и на Кавказе, в Казани, Петербурге, Польше и других уголках империи⁴, можно говорить о значительном прагматическом потенциале дискурса этого издания.

Поскольку предъявление любого концепта в дискурсе осуществляется языковыми средствами, к которым прибегают авторы публикаций, то для исследования применялись методы сплошной выборки лексем и репрезентативной выборки (в зависимости от доступа к отдельным номерам).

Хронологические рамки исследования (1912–1917 гг.) обусловлены годами выпуска журнала; кроме того, перенос нижней границы не к началу войны, а к 1912 году позволяет проследить динамику основных составляющих образа власти в читательской картине мира. Рубежным историческим событием, переформатировавшим наполнение концепта в 1914 г., стала Первая мировая война, изменившая геополитическую ситуацию на континенте.

Братство св. Михаила, князя Черниговского, отвечавшее за издание православного журнала «Вера и Жизнь», одной из своих задач считало «просвещение православной черниговской паствы светом истины и воспитание ее в духе исконных русских начал – преданности православной церкви, верности самодержавному Государю и любви к родине»⁵. Руководствуясь известной формулой «За Веру, Царя и Отечество», редакция особо старательно реализовывала первую составляющую – прививать любовь к православии.

Несколько сложнее было с образом Государя. Образ верховной власти был направлен на поддержание авторитета монарха. Воплощением государства и носителем верховной власти презентовался император Николай II. Его характеристики в дискурсе этого регионального издания в целом вполне соответствовал общеимперским, выявленным в работах А. Дорофеевой⁶: глава императорской семьи, «Царь-Батюшка», «радетель о благе России и счастья русского народа», реформатор. Внимание акцентируется на таких его качествах как чистота помыслов, благородство, справедливость, активная общественная деятельность. Особенно подчеркивается идея православного царя, с заметными чертами сакрализации. Социальные же противоречия, столь активно проявлявшиеся еще до войны и особенно обострившиеся с ее началом, не связываются с императором. Наиболее острые социальные моменты комментируются как следствие «неправильного понимания дарованных свобод». Зато четко прослеживается идеологическая установка на легитимность власти. Особыми поводами для популяризации образа императора послужил визит Николая II в Чернигов в 1911 г. и празднование 300-летия Дома Романовых, широко освещавшиеся на страницах издания.

В период войны образ монарха усложняется, на первый план выходит военная составляющая власти. Необходимость освещать военные события усиливает не только внешнеполитическую составляющую концепта, но и расширяет его культурологическое наполнение, призванное обеспечить образ общности с другими странами Европы в едином лагере «за мир/против войны». Происходит пересмотр национальной идентичности: на смену антитезе «православие-католицизм» (как дихотомии духовности и бездуховности) приходит антитеза «милитаризм-пацифизм». Российский император позиционируется как маяк надежды для славянских стран, цель его и всей России – объединить славян в борьбе против немцев. Увеличивается частота употребления формулы «За Веру, Царя и

Отечество». В образе императора появляются новые черты – защитника и спасителя, выступающего во главе своей державы за «европейский мир», «священную защиту слабого против сильнейшего, горячую веру в милость Божию, в правду вековечную, жажду прочного мира и беспрепятственного процветания истинно-просвещенного человечества»⁷. При этом нельзя не заметить, что к концу изучаемого периода в дискурсе журнала образ императора теряет четкость, становится менее выразительным. В этом плане интересно последнее исследование М. Бабкина, который утверждает, что в России в начале XX в. духовенство постепенно становилось в оппозицию к царской власти и собственные возможности самоуправления связывало с падением царизма⁸.

Гораздо более ярко презентована на страницах журнала третья составляющая имперской формулы – «за Отечество». Политолог Г. Лассуель, одним из первых заговоривший о манипулировании властью общественным сознанием на примере Первой мировой войны, признавал пропаганду не менее действенным оружием, чем военное и экономическое давление⁹ и основными ее целями считал возбуждение ненависти к неприятелю, поддержание добрых отношений с союзниками, деморализацию противника.

Добрые отношения с союзниками предьявлялись в основном за счет образа на примере Англии, позиционируемой в дискурсе довольно обособленно и очень тепло маркированной. В содержательном наполнении ее образа наблюдается наименьшая динамика.

Образ Франции в довоенное время был заметно негативен. «Религиозно-моральный кризис Запада» на примере именно этой страны связывался с борьбой политических партий, научных теорий, революцией, рационализмом и индивидуализмом. В. Дроздов называет ее страной, которую «Бог за грехи покрал державой Наполеона»¹⁰. Веским основанием для создания негативного образа этой страны выступает прежде всего противостояние православия и католицизма, «старшей дочерью» которого она позиционируется. Католицизм осуждается за материальные стремления, отход от истинной духовности, «приспосабливаемость», воинственность и «чрезмерную уступчивость духу времени», сыгательство на замену светского государства на «мировое теократическое государство во главе с ... папой»¹¹. Поэтому наиболее эмоционально окрашенной была реакция на французский закон от 9 декабря 1905 г. об отделении во Франции церкви от государства. Рационализм и скептицизм, по мнению авторов журнала, привели к разрушению моральных устоев общества. Редакцией издания через серию не только специальных публикаций, но и отдельных коротких заметок создается атмосфера угрозы «по примеру Франции насадить царство сатаны на святую Русь», «толкнуть народную душу в страшную пустыню духовного ужаса и сомнений», попасть под влияние «губительного яда неверия и порока».

С началом войны образ Франции как идеологического врага отступает на второй план. Казалось бы, редакция должна была позаботиться о создании позитивного имиджа страны-союзницы. Действительно, частота негативного маркирования концепта страны резко сокращается (хотя и не исчезает полностью). Однако, вопреки ожиданиям, полной перезагрузки ее образа новым позитивным смыслом так и не произошло. Лишь изредка мелькают похвальные отзывы о смелости французского духовенства на войне, тут же подробнейшим образом освещается героизм русских воинов и при этом автор не может удержаться от ремарки, что «подобные подвиги не мыслимы у французов»¹². Таким образом, по отношению к Франции создается атмосфера скорее терпимости, нежели теплого отношения к ней как к союзнице.

Главным же направлением дискурса издания в военный период становится презентация образа власти на фоне глобального образа врага через трансформацию в массовом сознании устойчивых негативных представлений о государствах-противниках и их народах. В этом отношении издание прибегло к традиционному набору средств: манипулирование традиционными символами и стереотипами, мистификация, сознательное искажение информации о противнике, мифотворчество (причем мифологизируются как «свои» так и «чужие»). Грозой общеевропейской культуре позиционируются Германия и Австро-Венгрия, воюющие «во имя господства одного сильнейшего и якобы умнейшего народа», несут «смерть и разрушения всему пред силою железного кулака», разрушают на этом пути «плоды наук и искусств, свободы и жизнь народов, требования международного права»¹³.

Собственно, милитаристские настроения немецких властей еще до начала войны попали в поле зрения редакции журнал. Так, В. Сокольский в критическом разборе социализма подчеркивал, что «все вожди западного социализма проникнуты фанатичной ненавистью к России» и в свое время «Либкнехт заявлял торжественно в рейхстаге, что его партия с радостью примет участие в войне против России»¹⁴. Если в довоенный пери-

од в отношении этой страны в дискурсе журнала преобладали темы, связанные с развитием наук, техническим прогрессом, «некоторой особенной нравственной чистотой», то с началом войны авторы всячески стараются реабилитироваться в резком изменении наполнения и прибегают к выпячиванию двуличия, притворства, обманчивости Германии. При этом вводятся лексемы «маска благопристойности», «столь образованный народ, казавшийся таким умным, осторожным и умеренным» «якобы умнейший народ», равно и об Австро-Венгрии, «скинувшей с себя личину» и т.д.

Когниция именно такого интеллектуального продукта, который предлагал своему читателю дискурс журнала, создавала заранее прогнозируемые ментальные презентации разного толка (образы, фреймы, концепты), которые в конечном итоге и определяли мировоззренческие и поведенческие стратегии подданного Империи, а вместе с ним и значительной части общества, формировали его коллективную память. По мнению лингвистов Р. Водак¹⁵ и Э. Кассирера¹⁶, одним из важнейших инструментов идеологического программирования и механизмов моделирования социальной действительности является метафора. Действительно, в журнале рефреном со страницы в станицу звучат лексемы «зверства», «страдания», «попрание законами чести и совести», «вероломство и низкий цинизм», «игнорирование законов чести и совести», «неуважение к ценности чужой жизни». Многочисленные метафоры «немецкий волк», «бронированный кулак», «железный кулак», «враг добра и правды», «иностранный шелуха», «злокачественная болячка», «гнездо разбойников и злодеев» выступают мощным прагматическим инструментарием для формирования образа вражеской страны.

Хроника войны излагается кратко в специальном разделе. При этом в каждом номере с особенными подробностями описываются страшные условия содержания немцами военнопленных, ужасы их лагерной жизни. Часто фигурируют описания тифа, холеры, голода, которые вместе со словами «лагерь», «заключенные», «зверства» формируют стойкий ассоциативный ряд: Германия – неволя, ужасы, страдания. Германская раса (австро-германцы) характеризуется исключительно через негативные атрибутивы: гнусность, подлость, низость, вероломство, коварство, преступная страсть, бессовестность, жестокость, дикая ненависть, жадность, крайняя бессердечность, грубость, насилие, «и другие низкие свойства природы».

Такую активную пропаганду образа врага, акцентуацию агрессивности и бесчеловечности противников, можно объяснить необходимостью власти вызывать патриотическое чувство моральной готовности населения к мобилизации.

Для поддержания имиджа имперской России негативный образ власти других держав создавался не только во время войны. Например, правительство Португалии за отделение церкви от государства в 1911 г. характеризуется такими чертами как «грубая настойчивость», «нарушение справедливости и конституционных гарантий о свободе совести и свободе личности», «насильственные меры правительства», насилие над совестью и церковью», «неконституционность предпринимаемых мер»¹⁷. Таким образом, пример чужого «плохого» правительства должен был конструировать в общественном сознании позитивный образ отечественной власти.

Еще одной особенностью дискурса журнала было поддержание в сознании читателя представления о будущем Украины-Малороссии в составе империи, как обладающей уникальной общей с ней идентичностью. Издание всячески играло в пользу интегрированности Малороссии в целостную могучую державу, что на то время тоже было одной из ведущих проблем власти в регионах¹⁸. С началом войны и наступательных операций в Галичине, показательным в этом отношении является активная разработка образа новоприсоединенного западного региона. Такие периферии предстают в дискурсе как «свои-чужие»: будучи населенная католиками (а католики презентуются злейшими врагами), Галиция не позиционировалась как «чужая» или чуждая православию. Акцентирование делалось на славянской общности, исторической принадлежности к Малороссии, желанию самих галичан жить в православии (аналогично подчеркивалось желание католиков, принявших православие, жить в Сибири – такой же «своей», еще пока чужой, нуждавшейся в православливании и колонизации).

Несмотря на активную деятельность редакции регионального журнала по поддержанию авторитета власти, общеимперская пропаганда, как показывает история, не справилась с этой задачей. В ходе войны в дискурсе журнала образ императора усложняется и несколько размывается, уступая место более сильному рычагу пропаганды властей – образу «врага». Особенностью регионального издания, как церковного органа, стало акцен-

тирование могущества и единства государства, оправданности политики власти в отношении периферии, требовавшей дальнейшей интеграции.

Примечания:

1. См.: Панарин И. Информационная война и геополитика. М., 2006. С. 6.
2. См.: Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса // Сборник эссе о социальной власти языка. Воронеж, 2001. С. 57–64; Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–125.
3. См.: Бойко А.А. Преса православної церкви України кінця ХІХ – початку ХХ століття: тематика і проблематика. Автореф. дис.... д-ра філолог. наук. Київ, 2002. 31 с.
4. См.: Руденок В.Я. З історії Чернігівської періодичної преси. – Режим доступа: http://siver.info/publ/the_history_of_the_city_and_region/chernigov_iz_veka_v_vek/1/39-1-0-1147
5. См.: Братство св. Михаила, князя Черниговского // Вера и Жизнь. 1913. № 4. С. 102.
6. См.: Дорофеева А.В. Эволюция образа власти в массовой культуре России в конце ХІХ – начале ХХ вв. Ареф. диссер к.и.н. М., 2009. 28 с.
7. См.: Ельчуков А. Русские славянофилы 40–60-х гг. // Вера и Жизнь. 1915. № 8. С. 46.
8. См.: Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало ХХ в. – 1918 г.) Исследования и материалы. М.: Индрик, 2011. С. 595.
9. См.: Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.–Л., 1929. 212 с.
10. См.: Дроздов В. «Русские и Наполеон Бонапарте» // Вера и Жизнь. 1912. № 20. С. 69.
11. См.: Приспособляемость католической церкви: Обзор церковной и общественной жизни в России и за границей // Вера и Жизнь. 1912. № 5. С. 104.
12. См.: Обзор церковной и общественной жизни в России и за границей // Вера и Жизнь. 1916. № 21–22. С. 161.
13. См.: Ельчуков А. Русские славянофилы 40–60-х гг. // Вера и Жизнь. 1915. № 8. С. 44.
14. См.: Сокольский В. Изложение и разбор учения социализма // Вера и Жизнь. 1914. № 10. С. 31–45.
15. См.: Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997. 139 с.
16. См.: Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 33–43.
17. См.: Разрыв между церковью и государством в Португалии // Вера и Жизнь. 1912. № 7. С. 100.
18. См.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина ХІХ в.). СПб., 2000. 260 с.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ХІХ В.)

GOVERNMENT POLICY AND HISTORIOGRAPHICAL COMPONENT OF UNIVERSITY HISTORY EDUCATION (ON THE MATERIALS OF KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY OF THE XIX CENTURY)

Ю.А. Киселёва
Харьковский национальный
университет имени В.Н. Каразина

J.A. Kiseljova
V.N. Karazin Kharkiv
National University

Статья посвящена рассмотрению взаимодействия правительственной политики на развитие университетского исторического образования, в частности, на утверждение историографической рефлексии как необходимой его составляющей.

Ключевые слова: правительственная политика, историография, историческое образование.

The article considers the interaction of government policy on the development of university history education, in particular, on the statement of the historiographical reflection as a necessary component of it.

Key words: government policy, historiography, history education.

В советской исторической литературе государственная политика в области дореволюционной университетской науки и образования расценивалась однозначно негативно. Правда, взгляды на состояние университетов претерпели эволюцию от оценки их кризисного состояния до признания достижения университетами высокого уровня научного развития. Если в первом случае университеты считались проводниками правительственной политики, то во втором – рассматривались как жертвы царизма, а позитивные результаты их развития сопровождались словом «вопреки»¹. В постсоветский период, не-